

ЯЗЫК И СЕМАНТИКА

УДК 81:572

Серёгина М. А.

**ВЕРБАЛЬНАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ АРХЕМОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ
ЧЕЛОВЕКА И НАРОДА
(на материале русских и немецких паремий)**

Рассматривается понятие «архетип» как содержание коллективного бессознательного, соотносятся содержательные аспекты понятий «архетип» и «мифологема» и выявляется их паремиологическое наполнение.

Ключевые слова: русские и немецкие паремии, коллективное бессознательное, архетипы, мифологемы, бинарные оппозиции.

Цель статьи — рассмотреть понятие «архетипа» как содержание коллективного бессознательного, соотнести понятия «архетип» и «мифологема» и выявить их паремиологическое наполнение.

Для достижения вышеставленной цели обратимся к понятию коллективное бессознательное.

Понятие коллективного бессознательного возникло в результате научных изысканий Карла Густава Юнга. К. Г. Юнг — швейцарский психиатр, создатель школы «аналитической психологии». Он отошел от психоаналитических взглядов Зигмунда Фрейда, чтобы искать новые подходы к пониманию человека и его души.

Согласно теории К. Г. Юнга, душа состоит из трех отдельных, но взаимодействующих структур: эго, личного бессознательного и коллективного бессознательного (Юнг, 1998: 90). Эго является основой самосознания человека. В него входят все те мысли, чувства, воспоминания и ощущения, благодаря которым мы осознаем свою цельность, постоянство и воспринимаем себя людьми, а также способны видеть результаты своей обычной сознательной деятельности. Личное бессознательное вмещает в себя подавленные или забытые мысли, чувства, воспоминания, конфликты, комплексы отдельного человека. Они вынесены индивидуумом из его прошлого личного опыта или из родового, наследственного опыта и оказывают достаточно сильное влияние на его поведение. Коллективное бессознательное — это более глубокий слой в структуре личности. Он представляет собой хранилище латентных следов памяти человечества, где записана вся его история. Коллективное бессознательное живет своей жизнью, где нет прошлого и настоящего, а продолжается работа, начавшаяся тысячелетия тому назад (Jung, 1954: 65). В данной структуре личности отражены мысли и чувства, общие для всех человеческих существ и являющиеся результатом нашего общего эмоционального прошлого. Это богатый и жизненно необходимый источник мудрости. Как говорил сам Юнг, «в коллективном бессознательном содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума» (Юнг, 1994: 81). Содержание коллективного бессознательного складывается благодаря наследственности и одинаково для всего человечества. Коллективное бессознательное представляет собой систему установок и типичных реакций, незаметно определяющих жизнь человека. Важно отметить, что опыт, находящийся в коллективном бессознательном, является действительно бессознательным. Мы не можем осознать его, каким-либо образом вспомнить, как это возможно с содержанием личного бессознательного в рамках работы с психологом, психотерапевтом, психоаналитиком или самостоятельно, спонтанно.

Такая характеристика введенного Юнгом термина «коллективное бессознательное» позволяет нам утверждать, что паремии, олицетворяя богатую житейскую мудрость народа,

¹ Паремия — это родовидовой термин к понятиям пословица и поговорка. Т.е. при употреблении слова «паремия» имеются в виду пословицы и поговорки того или иного языка. Паремиологическое наполнение — это соответственно вербальная презентация, т.е. в языке, каких-либо явлений в пословицах и поговорках.

функционируют на уровне коллективного бессознательного в умах многих поколений людей как уникальный способ организации, хранения и репрезентации знаний народа в языке. В них в течение веков аккумулировались информация культурно-исторического характера, сложившиеся ценностно-значимые представления человека о разного рода деятельности, отношении к миру и понимание основных категорий мира (Кузьмина, 2002: 4).

Паремии охватывают все области общественной и частной жизни (Аникин, 2001: 237), основанной на бытовом, охотничьем (*Рыболова одна тоня кормит* (Даль, 2005: 356); *Der beste Jäger kommt oft leer nach Haus* (Байер, 1989: 139), земледельческом (*Сей в пору — соберешь хлеба с гору* (Даль, 2005: 275); *Wie die Saat, so die Ernte* (Байер, 1989: 76)) и скотоводческом (*Корова на дворе — харч на столе* (Даль, 2005: 700); *Wer keine Kuh hat, muß die Katze melken* (Байер, 1989: 156)) укладе. Они выражают установление мирского бытия (*Мир всех старше; Мирская шея толста* (Даль, 2005: 275); *Überall bäckt man das Brot im Ofen* (Байер, 1989: 61)), сопутствуют существующим принципам нравственности (*В каком народе живешь, того обычая и держись* (Даль, 2005: 488); *Besser ein Auge verlieren als den guten Ruf* (Байер, 1989: 68)), сопряженным с религиозными понятиями (*У Бога для праведных места много* (Даль, 2005: 3); *Der Mensch denkt, Gott lenkt* (Байер, 1989: 117)), с представлениями об этических нормах (*Воровать — беды не миновать* (Даль, 2005: 94); *Wer einmal stiehlt, heißt immer ein Dieb* (Байер, 1989: 274)), запечатлевают натуралистические наблюдения (*Первая ласточка — еще не весна* (Даль, 2005: 696); *Eine Schwalbe macht noch keinen Sommer* (Байер, 1989: 247)) и т. д.

Содержанием коллективного бессознательного, по мнению К. Г. Юнга, являются архетипы (Юнг, 1998: 95). Если появление понятия «коллективное бессознательное» — это целиком заслуга научных изысканий Юнга, то понятие «архетип» имеет более глубокие корни исследовательского интереса, которые связаны еще с древностью. Оно активно используется во многих науках и разных областях человеческого знания, как философия, психология, психотерапия, астрология, археология, мифология, теология, литература. Обратимся к истории происхождения и содержания данного термина.

Слово «архетип» происходит от греческого архе (αρχή — первоначально, принцип, источник) и тип (τύπος — образ, форма, образец) (ФЭС, 1983: 39-40) и означает первоначальная модель.

Теоретические истоки теории архетипа связаны с философией Древнего Востока (Шанкара), Древней Греции (Платон, Аристотель), раннего (Св. Августин) и позднего Средневековья (Экхарт). Во многих цивилизациях Древнего Востока (Египта, Вавилона, Индии, Китая и др.) стержневой проблематикой в познании мира являлось познание именно первооснов бытия, археценностей и археprincipов организации всего сущего, которые, соответственно, формируют особые архетипы мышления и практики человеческого взаимодействия (Антология, 1969: 22).

В античной традиции архе трактовалось в онтологическом смысле как некоторое первоначало сущего (принципы бытия), и в гносеологическом плане — как принцип, основа, начало познания сущего (принципы познания). Так, например, в философских воззрениях Платона имеются первоначальные Идеи, из которых происходят все последующие вещи и идеи, человеческий закон и порядок. Платон считал, что эти идеи первоначально содержались в умах богов до создания мира. Затем они образовали особый сверхчувственный мир идей — эйдосов, который постигается и раскрывается в человеческом опыте. Согласно его учению, эйдосы представляют собой археидеи и археценности, которые выражали высшие ценности бытия, идеалы порядка, меры, гармонии, блага, справедливости (Реале, Антисери, 1994: 69). Основные характеристики археидей (эйдосов) следующие: обладают сверхчувственной природой, являются причиной всего сущего (т. е. идеи имеют формообразующий характер), распространяют свое действие на функционирование социума и людей, придают хаотической бесформенности земных стихий оформленность и упорядоченность, являются слепком, отпечатком мира духовного, мира идей, выступают в качестве универсалий для всех единичных явлений и процессов (Платон, 1972). Человеческая душа, соприкасаясь с

божественным миром, миром археидей (эйдосов), созерцала идеальные онтологические сущности (первосущности). Они образовывали в родившемся человеке архетипы (первосущностные типы и формы знания) — некие смысловые «сгустки» истинных знаний, которые он постигал и воплощал в непосредственном социальном опыте (Лосев, 1982: 32).

Средневековые мыслители (Св. Агустин, Экхарт) трактовали архетипы как первые тончайшие формы, появляющиеся, когда мир рождается из Духа, лишенного формы, из Духа непроявленного (Антология, 1969: 49). Для них архетипы — это модели, на которых строятся все остальные проявленные модели. Это исконные образы, которые лежат в основе человеческого познания и для которых характерна принципиальная несотворенность, вечность и вневременность.

Из вышеизложенного следует, что доюнговская эпоха изучения архетипов связана с духовным, трансцендентальным, мистическим и трансперсональным сознанием. В этом смысле архетипы — это тончайшие трансцендентальные формы, первые проявленные формы, будь то проявления физические, биологические, ментальные и т. д. В большинстве своём эти формы мистицизма и представляют собой радиационные колебания, световые точки, слышимые иллюминации, цветные сияющие, радужные лучи, звуки и вибрации, с которых начинает проявляться и конденсироваться материальный мир (Антология, 1969: 63).

В понимании Юнга архетипы — это унаследованные коллективные формы, олицетворяющие некоторые самые основные, насущные и экзистенциальные жизненные моменты человеческой жизни: жизнь, смерть, рождение, мать, отец, тень, эго и другие (Jung, 1959: 61). Они представляют собой врожденные диспозиции, которые обуславливают появление у конкретного индивида определенных мыслей, представлений, отношений, действий, снов. Архетипы сохраняются в форме коллективного бессознательного, присущи каждому индивиду и являются результатом многовекового опыта наших предков. При этом речь идет не о конкретном, четко очерченном представлении, образе или эмоции, но о некоторых врожденных предписаниях общего плана, побуждающих к активности или реагированию на ситуацию. Данные предписания приобретают конкретную, в том числе образную, форму уже в рамках той или иной культурной среды и могут выражаться в продуктах творческой деятельности как типичные персонажи мифов, сказок или священных писаний (Большая мать, Мудрый старик). Архетипы коллективного бессознательного, взятые в аспекте исходных форм, а не дальнейших конкретных выражений, Юнг соотносил с инстинктивным поведением животных. Как он писал, «архетипы имеют не содержательную, но исключительно формальную характеристику, да и ту лишь в весьма ограниченном виде. Содержательную характеристику первообраз получает лишь тогда, когда он проникает в сознание и при этом наполняется материалом сознательного опыта» (там же: 64).

Юнг сравнивает архетипы с системой осей кристалла, невещественным полем, которое распределяет частицы вещества и преформирует кристалл в растворе. В психике таким «веществом» являются внешний и внутренний опыт, который организуется согласно унаследованным программам (там же: 82). Сам архетип не входит в сознание, он всегда соединяется с какими-то представлениями и подвергается обработке сознания. Ближе всего к самому архетипу находятся «архетипические образы». Природа архетипов недоступна опыту. Они являются «осадками» психической деятельности всей линии предков, накопленным опытом органической жизни вообще, миллион раз повторенными и загустевшими в типах (Юнг, 1991: 87).

Архетипы — врожденные идеи или воспоминания, которые предрасполагают людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом. Это не воспоминания или образы как таковые, а факторы, под влиянием которых люди проявляют в своем поведении универсальные модели восприятия, мышления и действия в ответ на какой-либо объект или событие. Врожденной здесь является именно тенденция реагировать эмоционально, когнитивно и поведенчески на конкретные ситуации, — например, при неожиданном столкновении с родителями, любимым человеком, незнакомцем, со змеей или смер-

тью (там же, 187). Они направляют действия человека в определенное русло, в чем-то схожее с тем, каким образом вели себя в подобных ситуациях наши предки.

Юнг, как глубинный психолог, исследовал мифологию и художественное творчество ряда древнейших цивилизаций, чтобы выявить лежащие в их основе архетипические образы. Метафоричность и символичность архетипов выражается в семантизируемых и идеологических оппозициях, являющихся вариантами фундамента человеческого бытия. Речь идет о мифологемах.

Обратимся к понятию «мифологема», формам его существования и содержательному наполнению. Понятие «мифологема» одним из первых ввел в научный обиход Дж. Фрэзер, автор ритуалистической доктрины мифа (см. Фрэзер, 1980). Слово «мифологема» греческого происхождения. Его значение распадается на две семы: *mythos* — слово, речь, предание и *legei* — собирать воедино, говорить. Мифологема — самостоятельная единица мифологического мышления. Это образ, обладающий целостностью для культурного человека, содержащий устойчивый комплекс определенных черт (Баевский и др., 2003: 14). Сформированное понятие «мифологема» означает «повествование». В таком повествовании собрано воедино все, что общество знает о мире предков и о том, что было до них: вопросы происхождения мира, человека, культурных благ, социального устройства, тайны рождения и смерти и другие вопросы мироздания.

Эта информация распределяется в мифологемах в виде бинарных оппозиций. Бинарные оппозиции — это форма существования мифологем. Бинарные оппозиции изучаются в рамках эпистемологической структуралистской концепции Романа Якобсона. Согласно данной теории они являются одной из характеристик человеческого разума (Якобсон, 1985). Это универсальное средство рационального описания мира, где одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых — антоним другого (например, жизнь — смерть, хаос — порядок и т. д.). Бинарные оппозиции считаются неотъемлемым качеством дискурсивного мышления, которое противопоставляется различным формам интуиции. Корни представления о бинарных оппозициях уходят в диалектику Платона (Платон, 1972) и формальную логику Аристотеля (Аристотель, 1934). Термин «бинарная оппозиция» введен лингвистом Н. С. Трубецким (Трубецкой, 2000). Он активно используется в структурализме. В современной жизни мы также используем бинарные оппозиции: можно — нельзя, положено — не положено, принято — не принято, истинно — ложно, да — нет, утверждение — отрицание, знание — неведение. Важную роль при изучении механизма действия бинарных оппозиций играет понятие медиации, то есть посредничества между крайними членами оппозиции. Члены оппозиции являются культурными константами, одними из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества, сохраняющих свое значение на протяжении веков (Степанов, 1997: 54).

Нами был собран материал, который представил собой картотеку русских и немецких коннотативно осложненных паремиологических единиц. Данная картотека составлена путём сплошной выборки единиц из многих лексикографических и литературных источников: лингвострановедческих словарей, художественной, публицистической, общественно-политической, научно-популярной, мемуарной, периодической литературы 16-21 веков, Интернет-источники на русском и немецком языках. Материал для исследования включает 3000 паремиологических единиц (из них 1510 русские и 1450 немецких), зафиксированных в паремиологических, лингвострановедческих словарях и собраниях, и 6000 контекстов их употребления у 685 авторов и в 61 периодическом издании. Объем исследованных текстов насчитывает свыше 100000 страниц текста. Мы проанализировали контекстуальное употребление паремий разных эпох и выделили 5 основных мифологем. К ним относятся: хаос — порядок, жизнь — смерть, добро — зло, могущество — слабость, свой — чужой. Эти мифологемы — безусловные образцы, которые обросли историко-культурными деталями о глобальном совершенстве и целесообразности бытия на основе жизненного опыта народа (Лотман и др., 1980: 110).

По мнению основателя аналитико-психологической школы К. Г. Юнга, понятие «мифологема» входит в общее понятие «архетип». Так как архетипы не имеют конкретного содержания, а являются своеобразными идеями о мире бытия, то их содержанием становятся мифологемы. Карл Юнг различал в качестве важнейших мифологических архетипов или архетипических мифологем архетипы «персона», «тень», «анимус», «анима», «самость» (Юнг, 1991). Они выражают ступени того, что Юнг называет процессом индивидуации, т. е. постепенного выделения индивидуального сознания из коллективного бессознательного в человеческой личности вплоть до их окончательной гармонизации в конце жизни. Эти архетипы описывают бессознательные душевные события в образах внешнего мира, т. е. истоки мифологических сюжетов сводятся к внутренней жизни души.

По нашему мнению, пять вышеназванных архетипов Юнга можно соотнести с пятью мифологемами, которые были нами выделены на основе анализа контекстуального употребления паремий. Так, архетип «персона» соответствует мифологеме «хаос — порядок», архетип «тень» мифологеме «добро — зло», «анима» — «жизнь — смерть», архетип «анимус» мифологеме «могущество — слабость» и «самость» — «свой — чужой». К такому выводу мы пришли, проанализировав тот смысл, который Юнг вкладывает в содержание своих архетипов, и значения, которыми обладают выделенные нами на основе паремий мифологемы. В процессе соотнесения архетипов и мифологем и их паремиологического содержания нами был составлен перечень классификационных характеристик такого содержания, который состоит из десяти пунктов:

- 1) материально-вещественный аспект характеризует человека и его бытие;
- 2) биологический аспект связан с окружающим миром человека, природой, животным и растительным миром;
- 3) временной аспект указывает на удаленность от момента существования человека, деля его бытие на прошлое, настоящее и будущее. Этот аспект также указывает на срок бытия и длительность существования (старость, молодость);
- 4) пространственный аспект определяет место функционирования человека в пределах его цивилизации;
- 5) конструктивный аспект является основой жизнедеятельности человека, фундаментом, на котором базируются социальные институты;
- 6) социально-психологический аспект характеризует духовно-культурный, интеллектуальный, профессиональный и эмоциональный уровень человека и общества;
- 7) функционально-деятельностный аспект связан с человеческой активностью, интенсивностью, эффективностью, производительностью и результатом деятельности человека;
- 8) утилитарный аспект основан на деятельности, которая носит материальный расчет и в результате которой человек получает пользу и выгоду;
- 9) общественно-значимый аспект включает такие характеристики, как престиж, общественное положение, привилегированность, популярность, авторитетность, заслуженность, материальная обеспеченность;
- 10) социально-культурный аспект отражает материальный, научно-технический, социально-политический, моральный уровень развития общества.

Данный перечень поможет нам в полной мере описать значения мифологем. Рассмотрим соотношение архетипов К. Юнга и мифологем и их паремиологическое содержание на примере архетипа «персона» и мифологемы «хаос — порядок».

Архетип «персона» и мифологема «хаос — порядок»

Архетип «персона» характеризуется двумя сторонами. С одной стороны, он символизирует непостоянную природу человека (хаос), а с другой, является универсальным принципом объединения качеств личности, неким организующим механизмом (порядок), который упорядочивает и упрощает контакты, помогает устроиться в мире, усвоить способы реагирования на происходящее (Юнг, 1998: 267). Это способствует не только социальному

успеху и счастьем, но и охраняет физическое здоровье индивида, координирует его деятельность. Если организующий механизм выйдет из строя, то человек потеряет привычные опоры, опустится, отойдет от усвоенных с детства принципов, которые вырабатывались предками в течение многих столетий, и разрушится как личность (Jung, 1959: 64). Все это помогает нам приспособиться к окружающему миру, выработать необходимые правила и нормы, чтобы ладить с другими людьми в повседневной жизни.

Мифологема «хаос — порядок» осмысливается в противопоставлении понятий «хаос» и «порядок» и их разноаспектного рассмотрения, которое включает стержневой признак и признаки-спутники (концепты, предметные образы, ассоциации, отдельные составляющие картины мира и т. д.).

Противопоставлением понятия «хаос» является понятие «порядок». Стержневой признак понятия «порядок» трактуется как состояние благоустройства и налаженности, систематичность, правильность в расположении чего-нибудь, в ходе дел; последовательность, ход; способ, метод, путь в осуществлении чего-либо; строй, система управления, режим, обычай, обыкновение; построение, строй; сфера, область чего-нибудь (БТС, 2004: 758).

Стержневой признак понятия «хаос» трактуется как беспорядочная материя, неорганизованная стихия, существовавшая в мировом пространстве до образования известного человеку мира (БТС, 2004: 1192). К признакам-спутникам данного понятия относятся: беспорядок; природные стихии (огонь, вода, воздух, земля) и любые явления природы, обнаруживающиеся как мощная сила, независимая от воздействий со стороны человека; не регулируемая и не руководимая человеком и социальной средой вообще сила; неразбериха, т. е. запутанное положение дел с отсутствием ясности и порядка; отсутствие или нарушение порядка; неорганизованный, хаотический, т. е. лишенный порядка, последовательности, стройности.

Рассмотрим понятие «хаос» в его паремиологическом наполнении на основании вышеназванных классификационных характеристик. В отношении понятия «хаос» было найдено семь характеристик: материально-вещественный аспект (характеристика человека и его бытия), функционально-деятельностный (работа, труд, дело), конструктивный (беззаконие-закон), социально-психологический (страх), общественно-значимый (ссора), биологический аспект (природные стихии (море, вода, огонь, ветер)) и утилитарный (отсутствие меры). Обратимся к паремиологическому содержанию данных классификационных характеристик.

1. Материально-вещественный аспект: характеристики человека и его бытия, которые превращают жизнь в хаос (дом без хозяина: *Семеро в семье и все большие* (Зимин, 2005: 135), *Муж с огнем, жена с водою* (Даль, 2005: 311), *Viel Häupter, viel Sinne* (Байер, 1989: 126), *Besser ein Mann ohne Haus als ein Haus ohne Mann* (там же, 173); неопределившийся: *Ни то ни сё, а черт знает что* (Зимин, 2005: 523); *Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса* (там же), *Weder gestochen noch gehauen* (Кожемяко, 2000: 27); непостоянный: *Наша дуда — туда и сюда* (Зимин, 2005: 367); *Семь пятниц на неделе* (там же), *Heute so, morgen so, wie das Wetter* (Байер, 1989: 180), бесхозяйственный: *Мешает кислое и пресное* (Зимин, 2005: 102); *Кто в лес, кто по дрова* (там же); *Где пастухов много, там волк овец крадет* (там же); *У семи нянек дитя без глаза* (там же); *Правая рука не знает, что делает левая* (там же); *Одна дверь на замке, а другая настежь* (там же: 135), *Viele Köche verderben den Brei* (Байер, 1989: 150), *Viele Hirten, übel gehütet* (там же: 133); бестолковый человек: *Есть ворота, а он забор ломает* (Зимин, 2005: 105), *Ты ему вдоль, а он поперек* (Даль, 2005: 310), *Ein wirrer Kopf macht wirre Leute* (Байер, 1989: 334)).

2. Функционально-деятельностный аспект: выбор неразумных средств в работе, ненужные хлопоты, поспешность, бесполезность приводят к их нерациональности и бессмысленности, о чем и свидетельствуют паремии: *Песок вилами не грузят* (Зимин, 2005: 101), *Ведро ветра не смеряешь* (Даль, 2005: 310), *Не было у бабы забот, купила себе порося* (там же), *Wer keine Sorgen hat, macht sich welche* (Кожемяко, 2000: 24), *Пролитую воду не соберешь* (Зимин, 2005: 108), *Кто не спешит, тот меньше грешит* (там же), *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* (там же: 100), *Шей да пори — не будет свободной*

дыры (там же), *Wer zwei Hasen zugleich hetzt, fängt keinen* (Байер, 1989: 126). Концепт «дело» в рамках понятия «хаос» можно охарактеризовать как пустое: *Хорош охотник — убил время и ноги* (Зимин, 2005: 103), *Wer alles tun will, tut nichts recht* (Рожкова, 1980: 11), из рук вон плохое: *Дела как сажка бела* (Зимин, 2005: 118), бестолковое *Размах рублевый, а удар копеечный* (там же: 105), *С хвоста хомута не надевают* (там же); *И готово, да бестолково* (там же), *Man soll den Wagen nicht vor das Pferd spannen* (Байер, 1989: 197), *Wenn der Blinde den Lahmen führt* (Байер, 1989: 57), потому что в нем полно напраслины: *Что в лоб, что по лбу* (Зимин, 2005: 136), *Овчинка выделки не стоит* (там же: 103), *Много поту, да мало проку* (там же: 100), *Пустой овин не кроют* (там же: 101), *Verlorene Liebesmühe* (Байер, 1989: 317), *Sich die Mühe sparen* (там же: 180), *Wasser mit einem Sieb schöpfen* (там же: 328), *Leeres Stroh dreschen* (там же: 579), беспорядка: *Сыпь в суп всех круп, что-нибудь да получится* (Зимин, 2005: 102), *Большие порядки ведут к большим беспорядкам* (там же), *Вали валом — после разберешь* (там же), *После дела за советом не ходят* (там же), *Rat nach der Tat kommt zu spät* (Байер, 1989: 311), *Die Unordnung ist ein teurer Hausgenosse* (там же: 311), неразберихи: *Дальше в лес больше дров* (Зимин, 2005: 118), *Je tiefer in den Wald, je mehr Bäume* (Кожемяко, 2000: 10), бестолковой суматохи: *Пыль столбом, дым коромыслом* (Зимин, 2005: 117), *Такой Садом, что дым столбом* (там же), *В нашем полку нет толку* (там же: 102) и поспешности *Поспешишь — людей насмешишь* (Даль, 2005: 383), *Eile mit Weile* (Байер, 1989: 311). Ошибки в таком деле неизбежны: *Сделали дело — недели на свинью хомут* (Зимин, 2005: 101), *Первый блин комом* (там же: 106), можно попасть и в безвыходное положение *Нос вытящишь, хвост увязнет* (там же: 117), *Пошло вкривь и вкось, хоть вовсе брось* (там же), *Куда ни кинь, все клин* (там же). Порой случаются и неожиданные события, которые застают врасплох: *Чего не чаешь, то скорее случится* (Даль, 2005: 389).

3. Конструктивный аспект: границу между беззаконием и законом трудно провести, потому что: *Закон — что дышло, куда повернул, туда и вышло* (Зимин, 2005: 83), *Закон — паутина: муха завязнет, шмель проскочит* (там же: 52), *Ein Gesetz gilt nicht überall* (Байер, 1989: 111).

4. Социально-психологический аспект: когда страх одолевает человека, он становится не похож на себя, его состояние подобно хаосу *Волос дыбом стал* (Даль, 2005: 186), *Душа в пятки ушла* (там же), *Поджилки трясутся* (там же), *Сердце падает* (там же), *Das Herz fiel ihm in die Hosen* (Байер, 1989: 131), *Die Furcht hat tausend Augen* (там же), *Die Haare stehen zu Berge* (там же).

5. Общественно-значимый аспект: порой взаимоотношения между людьми похожи на хаос, потому что они часто ссорятся: *Семь топоров вместе лежат, а две прялки порознь* (Зимин, 2005: 136).

6. Биологический аспект: такие природные стихии, как море, вода, огонь, ветер, — мощная сила, независимая от воздействий со стороны человека, потому что: *Вода и землю точит и камень долбит* (Даль, 2005: 679), *Вода и мельницу ломает* (там же), *Воды и царь не уймет* (там же), *Огню да воде бог волю дал* (там же), *С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь* (там же), *Хорошо море с берегу* (там же: 191), *Море — что горе: красно со стороны* (там же).

7. Утилитарный аспект: если не соблюдать меру, это может привести к беспорядку: *Через край польешь, через край и пойдешь* (Даль, 2005: 383), *Wenn's Maß voll ist, läuft es über* (Байер, 1989: 174), *Wo kein Maß, da ist kein Bestand* (там же) или нежелательными последствиями в работе, т. е. хаосу *Перерод хуже недорода* (Даль, 2005: 383).

Архетип «тень» и мифологема «добро — зло»

В юнговской трактовке архетип «тень» представлен мифологическим образом обманщика-трикстера (трюкача). Он обладает отрицательными мировоззренческими ориентирами, которые соответствуют более низкому уровню развития сознания человечества. Они характеризуют темную, дурную, животную сторону личности, содержат общественно неприемлемые и агрессивные импульсы и поступки, аморальные мысли и страсти. Порой та-

кие качества скрыты и невидимы, поэтому еще более зловещи и опасны для человека (Юнг, 1991). Желания Тени несовместимы с социальными стандартами. Она делает то, что непозволительно, не соответствует нормам морали и этики в человеческом обществе, разрушает его идеалы, является вечным противником мира, согласия и гармонии в человеческой душе. Тень подталкивает нас совершать нечто такое, чего мы в нормальном состоянии никогда себе не позволим. Сущностная черта Тени — противостояние, во время которого испытывается и проверяется жизнеспособность человека в этом мире. Условия дисгармонии и дисбаланса ввергают человека в экстремальные обстоятельства, в пучину страданий, испытаний и стрессов. Они являются мощным фактором и движущей силой, благодаря которым в человеке начинают высвобождаться, дремавшие до сих пор, скрытые, потенциальные возможности (Jung, 1959: 82). Тень олицетворяет главную мифологическую мистерию борьбы за блага между земным и подземным мирами, между Богом и Дьяволом.

Называя этот аспект бессознательного «тенью», К. Юнг хотел не только обозначить его как нечто темное и зыбкое (там же). Нет тени без Солнца, и нет Тени бессознательного без света сознания. Тень — «нижняя», наиболее внутренняя функция человека, неизбежна, и он без неё нецелостен. Образуя противовес сознанию, она служит толчком внутреннего развития, источником жизненной силы, спонтанности и творческого начала в жизни индивидуума. Таким противовесом, толчком внутреннего сознания, с которым вечно борется Тень, т. е. зло, является добро. Функция добра в этой связи — направлять в нужное русло энергию Тени, зла. Добро должно обуздать пагубную сторону человеческой натуры до такой степени, чтобы мы могли жить в гармонии с другими, но в то же время открыто выражать свои импульсы, порывы, внезапные озарения, глубокие эмоции и наслаждаться нормальной, полноценной, здоровой и творческой жизнью.

Архетип «анима» и мифологема «жизнь — смерть»

Тень, зло и его антипод добро находятся в вечной борьбе друг с другом за жизнь и смерть. Мифологема «жизнь — смерть» соответствует архетипу «анима». Этот архетип олицетворяет собирательный эмоциональный образ женщины: молодой, неопытной, и пожилой, обладающей уже секретом мудрости; чистой, благонравной девы и непостоянной обольстительницы, изменницы. Это голос природы (Юнг, 1998). Образ женщины противоречив как сама жизнь: она подвержена перепадам настроения и эмоциональным всплескам, живет предчувствиями и интуицией. В этом образе также воплощены возлюбленная, жена, хранительница домашнего очага, и мать. Она наделена бесконечной способностью к любви, пониманию и защите и посвящает себя служению другим, своей семье, детям, мужу. Мать символизирует преемственность вечной реки жизни, потому что является ее источником, когда пускает нового человека в мир. В этом мире он знакомится с разными сторонами реальности. Сначала это беззаботное детство и иллюзорное восприятие жизни (Jung, 1959: 64). Его душа еще спит и находится в бессознательном состоянии. А затем человек вступает во взрослую жизнь и сталкивается уже с другими ее проявлениями, в которых происходит проявление склонностей его души и человек начинает себя осознавать. У него появляется семья, включается инстинкт самозащиты и сохранения своего рода. Он должен трудиться (заниматься земледелием, скотоводством, ремеслом), добывать себе и своей семье пропитание. Но человек должен помнить, что его жизнью управляет судьба и рок. Он должен быть осторожен, потому что жизнь очень противоречива: непостоянна, капризна, мрачна, бесконтрольна, беспощадна, хитра, неверна, злобна, двулика и скрытна.

Однако мир так устроен, что жизнь человека не вечна, человек стареет и его неминуемо ждет смерть, конец его земного пути.

Архетип «анимус» и мифологема «могущество — слабость»

Если архетип «анима» и мифологема «жизнь — смерть» связаны с образом женщины, которая дарит жизнь, а в конце жизненного пути наступает смерть, то архетип «анимус» символизирует образ сильного, волевого и смелого, бесстрашного мужчины, главы семей-

ства, отца, защитника, спасителя и кормильца. Этот мужчина могущественен, ему не ведомы слабости. Он убежден в своей правоте, его авторитет непререкаем, его суждения разумны, справедливы и имеют форму здравого смысла. Мировоззрение мужчины относится к сфере разума (Юнг, 1991). Он жаждет власти и славы, потому что он государь, царь, закон, гроза всем врагам. В то же время он опора в любой критической ситуации и стимул к поиску знания и правды. С ним связаны изобилие, процветание и стабильное благополучие. Он способен находить решения неразрешимых проблем, изыскивать неведомые силы и преодолевать непреодолимые препятствия. Вместе с тем Анимус упрям, держится за принципы и формальный закон, догматичен, стремится к преобразованию мира, теоретизированию, спорам и господству (Jung, 1959: 186). В содержание данного архетипа также входят государственные институты, наделенные могуществом и властью над людьми.

Однако у сильной стороны всегда есть слабости, которые не должны быть характерны мужчинам: это смирение, послушание, кротость, скромность, покорность, угодливость, глупость, трусость, стремление полагаться на авось.

Архетип «самость» и мифологема «свой — чужой»

Последний архетип «самость» связан с самосознанием человека, его самоидентификацией в окружающем мире и соответствует, по нашему мнению, мифологеме «свой — чужой». Архетип «самость» действует подобно магниту на разрозненные проявления личности, процессы, организуя их как единство и целостность, которая подчинена центру — нашему сознанию (Юнг, 1997: 117). Самость соединяет противоположные элементы мужского и женского начала, в результате чего зарождается семья, сохраняется род, появляются родственники, укрепляются обычаи и традиции. Образ Себя связан у К. Юнга с человеческой потребностью найти себя и определить пространство вокруг себя (Jung, 1959: 188). Чтобы найти себя, человек должен осознать и понять свою уникальную природу (свою самобытность) и то, что к ней относится (Родина, дом, семья, родители, род, родня, родственники, друзья, народ, мир). Однако гармония, полнота и уравновешенность в отношениях между людьми — сложный процесс, достичь которого порой и нет возможности. Такая дисгармония в человеческих отношениях проявляется в оппозиции «свой-чужой».

Оппозиция «свой-чужой» является культурной константой, одним из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества, сохраняющих свое значение на протяжении веков (Степанов, 1997:54). Бинарная оппозиция «свой-чужой» («мы-они», «друг-враг») лежит в основе этнического самосознания и является архетипом коллективного бессознательного (Самарина, 2006: 49-50). Возможно, она является отпечатком опыта столкновения людей со своими животными предками, которые воспринимались как нечто опасное и враждебное. Для того, чтобы выжить и обрести свою самость, нужно было, прежде всего, победить «чужих». Чем враги многочисленнее и опаснее, тем сильнее мотивация оппозиции «свой-чужой» (Гудков, 2005: 8-13).

Поляризация сообщества по измерению «свой-чужой» конкретизируется и развивается через отношения «свои, друзья и враги». Проблемы, которые возникают в связи с кризисным состоянием группы или сообщества, разбивает всех участников на своих и чужих. Деление на своих и чужих, друзей и врагов создает ось активного противостояния, что нарушает целостность, гармонию и стабильность в мире (Клушина, 2004: 76).

Таким образом, понятие и содержание архетипов наполняют коллективное бессознательное человечества и могут быть соотнесены с мифологемами. Выделенные нами пять мифологем обладают очень широким семантическим многообразием, неоднозначность которого проявляется в функционировании мифологем в виде бинарных оппозиций. Их вербальным содержанием являются паремии. Изучение паремий поможет нам понять всю целесообразность человеческого бытия на основе жизненного опыта народа.

Л и т е р а т у р а :

1. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. — М.: Высшая школа, 2001. — 726 с.

2. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. — М., 1969. — 245 с.
3. Аристотель. Метафизика. / Пер. и примеч. А. В. Кубицкого. — М.; Л., 1934.
4. Баевский В. С., Романова И. В., Самойлова Т. А. Русская лирика XIX — XX веков в диахронии и синхронии. — М., 2003. — С. 14.
5. Байер Х., Байер А. Немецкие пословицы и поговорки: Сборник. — М.: Высш. шк., 1989. — 392 с.
6. Большой толковый словарь русского языка (БТС) /Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ООО «Изд-во АСТ», ООО «Изд-во Астрель», 2004. — 1268 с.
7. Гудков Л. Идеологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. — М., 2005. — С. 19–23.
8. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство ПСТ», ЗАО НПП Ермак, 2005. — 734 с.
9. Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин — Ростов н/Д: Феникс, М.: Цитадель-трейд, 2005. — 544 с.
10. Клушина Н. В. Образ врага: военная риторика мирного времени // Журналист. — 2004. — №12. — С. 76–77.
11. Кожемяко В. С., Подгорная Л. И. Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги. — СПб.: ООО «ИПЦ «КАРО», 2000. — 192 с.
12. Кузьмина Е. А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности (на материале немецкого языка). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2002. — 25 с.
13. Лосев, А. Ф. Знак, символ, миф — М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. — 480 с.
14. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. — М., 1980. — С. 115.
15. Платон. Сочинения в трех томах. — М., 1972.
16. Рожкова Н. Н. В пословице правда молвится: Сборник немецких пословиц. — М.: Просвещение, 1980. — 48 с.
17. Самарина И. В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации (прагмалингвистический аспект). Дис. ...кандидата филол. наук. — Ростов н/Д, 2006. — 158 с.
18. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
19. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 352 с.
20. Философский энциклопедический словарь (ФЭС). / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.
21. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. — М., 1980.
22. Юнг К. Г. Нераскрытая самость // Юнг К. Г. Синхронистичность. — М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997. — С. 117.
23. Юнг К. Г. О психологии бессознательного // Юнг К. Г. Собр. соч. Психология бессознательного. М.; К., 1994. — 189 с.
24. Юнг К. Г. Психологические типы. — М.: Университетская книга, АСТ, 1998. — 716 с.
25. Юнг, К. Г. Психология бессознательного. — М.: Канон, 1998. — 274 с.
26. Юнг К. Г. Архетип и символ. — М., 1991.
27. Якобсон Р. О. О теории фонологических союзов между языками // Избранные работы. — М., 1985.
28. Jung C. G. Von den Wurzeln des Bewusstseins. — Zurich: Rascher, 1954.
29. Jung C. G. Archetypes of the Collective Unconscious. — London, 1959. — P. 64, 82, 187.

Статья поступила в редакцию 14.01.2010 г.